

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vbarышников@mail.ru

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА О СКРЫТОМ ГЕРМАНО-ФИНЛЯНДСКОМ ВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ НАКАНУНЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1940–1941 ГОДЫ)*

Накануне начала Великой Отечественной войны советские разведывательные службы стремились обращать повышенное внимание на военно-политическую ситуацию, которая складывалась в это время в Финляндии. Их деятельность была весьма хорошо организована. В результате советская разведка во второй половине 1940 – начале 1941 года смогла зафиксировать большое количество различных примеров проявления динамики нарастающего германо-финского военного сотрудничества, а также развертывания у границ СССР в Северной Финляндии немецкой группировке войск. Все это не могло не настораживать советское военное руководство, которое из складывающейся ситуации делало соответствующие выводы. В результате нанесенный 25 июня 1941 года советской авиацией удар по финской территории был обусловлен как развернутыми боевыми действиями германских ВВС, использующих Финляндию для своего авиа базирования, так и хорошей информированностью советского руководства относительно финско-германского военного сотрудничества в 1940–1941 годах.

Ключевые слова: международные отношения в период Второй мировой войны, Великая Отечественная война, история Финляндии, финляндско-германские отношения

В последнее время в отечественной историографии вопрос о вступлении Финляндии в войну против Советского Союза в 1941 году весьма активно привлекает внимание историков и публицистов. При этом в поисках определенных сенсаций люди, нередко довольно далекие от исторической науки, принялись в новой обстановке старательно реанимировать те положения, которые были характерны, в частности, для финской пропаганды периода войны. Тогда, чтобы оправдать союз с нацистами, в Хельсинки упорно пытались распространять представления, что не финская армия вместе с вермахтом напала в июне 1941 года на СССР, а наоборот, советские вооруженные силы готовились, а затем и совершили акт агрессии в отношении финского народа. Так, собственно, 26 июня заявил президент Финляндии Р. Рюти. Выступая по финскому радио, он сказал: «Со вчерашнего дня вооруженные силы Советского Союза, невзирая на соглашения, и без всякого повода с нашей стороны, по распоряжению своего правительства производят регулярные обширные военные действия во всех направлениях нашей страны». Далее он отметил: «Вооруженные силы Великой Германии под руководством гениального предводителя канцлера Гитлера успешно сражаются с нами против известных нам вооруженных сил СССР... Таким образом образовался единый фронт от Северного Ледовитого океана до Черного моря» [11; 54, 59]. В итоге получалось, что войну с Финляндией начал Советский Союз.

При этом Рюти всячески стремился скрыть существование каких-либо тайных договоренностей с германским командованием, а также присутствие финских войск в оперативных разработках плана «Барбаросса», где нацистское командование уже отвело им соответствующие наступательные задачи. Не говорил он, разумеется, и о большой группировке германских войск на севере страны. Тем более не мог он сказать о том, что уже с 22 июня против СССР проводились совместные боевые операции финских и немецких военно-морских и военно-воздушных сил. Всего этого, если верить речи президента Р. Рюти, тогда не могло и быть.

Тем не менее теперь хорошо известно, что еще накануне начала войны Финляндия в распоряжение немецкой авиации предоставила ряд аэродромов, что позволяло серьезно приблизить места германского авиационного базирования к жизненно важным районам северо-западной части СССР. За десять дней до начала войны, 12 июня, в финские территориальные воды вошел отряд боевых кораблей, состоящий из лучших торпедных катеров Германии [16; 459], [17; 108]. Эти суда должны были вместе с финскими кораблями с началом войны постараться перекрыть выход советского Балтийского флота из Финского залива. С 15 по 19 июня в генштабе финской армии были внесены окончательные уточнения в наступательные операции в северном Приладожье и на Карельском перешейке [16; 427], а 17 июня финскому военному коман-

дованию уже четко сообщили, что нападение Германии на СССР произойдет 22 июня [16; 430]. И действительно, в этот день с территории Финляндии уже начали осуществляться боевые операции военно-воздушных и военно-морских сил Германии против Советского Союза.

Тем не менее некоторые современные отечественные авторы так же, как когда-то финские военные пропагандисты, усиленно пытаются исказить все эти уже хорошо известные факты. Ярким образцом подобных трактовок стала работа отечественного публициста, работающего в жанре «история», М. С. Солонина. В 2008 году им была издана книга «25 июня. Глупость или агрессия?» [13]. Эта работа является фактически продолжением серии из большого количества работ известного автора В. Б. Резуна (В. Суворова), который активно распространял версию о неком маниакальном желании Сталина напасть на Германию. Солонин на примере Финляндии нашел этому «подтверждение». Он пишет: «25 июня 1941 года Красная Армия подтвердила "суворовскую" (так в тексте. – В. Б.) теорию на практике» [13; текст на обложке книги]. Причем, заняв позицию первого и безупречного эксперта в нашей стране в этом отношении, он также не без ложной скромности отметил, что вообще «по сей день в России не вышло ни одной серьезной монографии... в которой бы история войны 1941–1944 гг. стала предметом комплексного, непредвзятого исследования» [13; 17]. В итоге со страниц его книги на читателя буквально обрушаются невероятные по силе аргументы, доказывающие то, что Сталин, который всю свою жизнь мечтал о присоединении Финляндии к СССР, посчитал, что в конце июня 1941 года этот момент наконец настал. Не обнаружив, естественно, никаких документов, которые бы подтверждали эти фантазии, Солонин принялся истолковывать весьма поверхностные архивные материалы, делая из них невероятные по силе выводы. При этом вся система доказательств того, что накануне Великой Отечественной войны в СССР как бы стала осуществляться уже «рутинная подготовка к войне с Финляндией» [13; 281], у М. С. Солонина фактически сведена к разбору реальных фактов учений советских войск, а также посещению советских подразделений, дислоцирующихся у государственной границы, окружным военным руководством. Здесь автор, очевидно, полагал, что именно это и сможет убедить «наивного читателя» в доказательстве будущего намерения Красной армии напасть на Финляндию. В книге даже присутствует удивительное по своей невежественности откровение, когда Солонин, особо не задумываясь о том, что собственно написал, утверждает: «В штабах Красной Армии продолжалась отработка каких-то планов» и далее: «И хотя их содержание нам неизвестно, некоторые выводы можно сделать на основании опубликованного во второй половине 90-х годов

“Контрольного плана проведения сборов высшего начсостава, игр, полевых поездок и учений в округах в 1941 г.”» [13; 282]. С другой стороны, на страницах своего «комплексного» творения Солонин весьма снисходительно дает оценку осведомленности советского руководства относительно развернувшегося в 1940–1941 годах финско-германского военного сотрудничества. Он указывает на существующие у него данные о том, что чуть ли не все основные сведения о военных планах и подготовке финской армии советская разведка в этой стране добывала из застольных бесед финских офицеров в ресторанах Хельсинки [13; 319–320].

Тем не менее ситуация со сбором Советским Союзом разведывательных сведений относительно подготовки Финляндии совместно с Германией к войне против СССР является одной из ключевых с точки зрения того, чтобы понять причины произошедшего 25 июня 1941 года.

В предвоенный период советские разведывательные службы стремились обращать повышенное внимание на военно-политическую ситуацию, которая складывалась в Финляндии. И их деятельность была значительно более хорошо организована и была значительно более серьезной, чем об этом пишет М. Солонин. Советская разведка во второй половине 1940 – начале 1941 года фиксировала массу различных примеров проявления динамики нарастающего тогда германо-финского военного сотрудничества, а также развертывания у границ СССР в Финляндии немецкой группировки войск. Все это не могло не настораживать советское военное руководство, которое из складывающейся ситуации делало соответствующие выводы.

С начала лета 1940 года в Москву уже четко сообщали, что финское руководство явно «ищет сближения с Германией», при этом обращалось особое внимание на существующую в правительственные кругах Финляндии скрытую надежду «получить от Германии помочь против СССР». Такая информация поступала в Советский Союз неоднократно и передавалась из различных разведывательных структур [10; 110, 111–112, 209]. Кроме того, в приводившемся анализе военно-политической обстановки, складывающейся в Финляндии, советские разведчики обращали особое внимание на сохраняющуюся после окончания «зимней войны» тенденцию к наращиванию военных приготовлений, направленных против СССР. В Москву сообщали совершенно верные сведения о том, что «в Финляндии продолжают действовать законы военного времени, армия не распущена» и «обстановка может быть охарактеризована как военная» [10; 110, 111–112].

Но особое место в потоке информации, поступающей в СССР, занимали, конечно, сведения, которые получала советская разведка о наблюдавшихся фактах финско-германского военно-

го сближения. Причем советский посланник в Хельсинки И. С. Зотов уже в августе 1940 года утверждал, что «мы не можем допускать, чтобы идея реванша, вынашиваемая правящей кликой (финским руководством. – В. Б.), и работа по созданию связей с Германией увенчалась успехом и была бы закреплена» [10; 114–115]. Более того, в Москве уже имелись четкие сведения, что при условии втягивания Советского Союза во Вторую мировую войну будущее «вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами – с целью реванша – Финляндию...» [10; 117].

В целом процесс наметившегося финско-немецкого военного сотрудничества достаточно подробно фиксировался советскими разведывательными органами. Более того, из поступавших тогда донесений явно просматривалась тенденция к усилению этого сотрудничества. Таким образом, Москва получала необходимую информацию и получала ее весьма своевременно. Поток сведений, поступающий в СССР о военных контактах между Германией и Финляндией, начал нарастать, когда с сентября 1940 года на финскую территорию стали направляться немецкие войска [10; 122–124]. В данном случае советская разведка четко отмечала, что немецкая армия не просто размещается на севере Финляндии, а сосредотачивается там исключительно с целью «подготовки плацдарма против СССР» [10; 123–124].

На основании поступающих советскому руководству донесений нельзя утверждать, что в Москве обладали подробными сведениями о реальных планах своих потенциальных противников. Более того, в сентябре 1940 года советское командование вынуждено было признать, что «документальными данными о плане оперативного развертывания финской армии Генеральный штаб Красной Армии не располагает» [10; 120]. Тем не менее сам факт усиления военной напряженности на северо-западных границах СССР требовал от Москвы адекватной реакции. Поэтому очевидно, что уже в середине сентября появилась записка высшего советского командования, адресованная И. В. Сталину и В. М. Молотову, где содержались «соображения» в отношении необходимости проведения соответствующих действий «на случай войны с Финляндией» [10; 118–121]. Озабоченность складывающейся ситуацией выражалась также и в организации с советской стороны переговоров в Берлине, которые прошли между В. М. Молотовым и А. Гитлером в ноябре 1940 года. На этих переговорах были затронуты конкретные вопросы, связанные с присутствием немецких войск на финской территории.

Нарастающая военная активность Третьего рейха на северо-западных рубежах СССР в конечном итоге приводит к тому, что 25 ноября

1940 года советское военное руководство уже отдает конкретные указания командованию Ленинградским военным округом «приступить к разработке плана оперативного развертывания войск» для организации боевых действий против Финляндии. Причем в директиве особо подчеркивалось, что «не исключена возможность усиления вооруженных сил Финляндии войсками ее возможных союзников (Швеция, Норвегия, Германия)». Таким образом, вооруженные силы Германии четко определялись в качестве войск потенциального противника СССР на границах с Финляндией, а упоминание оккупированной рейхом Норвегии как еще одного «возможного» финского союзника явно свидетельствовало, что в Москве все больше начали опасаться перспективы масштабных боевых действий именно на Крайнем Севере, где уже происходила концентрация немецких войск.

В целом к концу 1940 года у советского военного руководства уже не оставалось никаких сомнений в отношении будущей позиции Финляндии в случае возникновения войны с Германией. Неслучайно поэтому в составленном в декабре 1940 года разведывательным отделом штаба Ленинградского военного округа материале, характеризующем офицерский состав финской армии, прямо указывалось, что «в среде высших офицеров (генералов и полковников) – 90 % из 27-го егерского батальона, участвовавшего на стороне Германии в период первой империалистической войны. Они прошли немецкую школу» [15; 175], что четко показывало дальнейшие перспективы финско-германского сотрудничества. Таким образом, можно говорить о том, что советские разведывательные донесения второй половины 1940 года вполне адекватно отражали процессы финского военного сближения с рейхом.

Но поскольку к весне – началу лета 1941 года военно-политическая обстановка на западных границах СССР начала обостряться и поток немецких войск туда стремительно нарастал, советские представители, работавшие в Финляндии, это также начали отмечать. Причем в Москву информация о том, что «немцы перебрасывают в Финляндию войска», поступала из разных стран [14; 24–25, 78]. В частности, как сообщал в конце апреля советский военный атташе в Германии, «потоки военных транспортов из Германии в Финляндию идут непрерывно, а в последнее время получаются сведения о транспортировке войсковых частей» [14; 116]. Всего же к началу мая, по финским данным, на территорию страны из рейха было направлено около 13 тысяч немецких солдат [16; 252]. Более того, наряду с достаточно развитой сетью советских агентов, работающих в различных странах, советские разведчики подбирали ключи к шифро-телеграммам дипломатической переписки ряда государств, а также наладили прослушивание

зданий иностранных дипломатических представительств в Москве, в том числе и финского [12; 78, 83–86]. Далее, советская разведка перехватывала определенную информацию, которая поступала в английскую миссию в Хельсинки, и даже имела агентурный доступ к определенным документам разведывательной службы Англии. В результате в Москву нередко попадали весьма ценные аналитические документы британской разведки, в том числе и отдельные материалы относительно германо-финляндского сотрудничества [9; 479].

В итоге, согласно справке наркомата госбезопасности, обобщавшей новые агентурные сведения о подготовке Финляндии совместно с Герmaniей к нападению на Советский Союз, имелись четкие сведения, что Финляндия должна была вступить в войну [4; 209], [8; 71], [14; 14, 26]. Особенно хорошо это стало заметно, когда 7 июня 1941 года началась массовая переброска немецких солдат в Финляндию [18; 93]. Туда было направлено огромное количество судов, на борту которых находились военнослужащие сразу двух немецких дивизий. Всего в июне 1941 года на более чем 70 транспортных кораблях рейху удалось перевезти свыше 21 тысячи германских солдат. Они выгружались в портах Оулу, Пиетарсаари, Вааса, Каскинен и Турку [16; 104], [18; 93]. Затем эшелонами по железной дороге эти войска следовали в район Рованиеми. Вместе с тем в финскую Лапландию из Норвегии стали маршем прибывать и первые механизированные части дивизии СС «Норд». Вообще же в те дни благодаря переброске войск из Северной Норвегии группировка немецкой армии в районе Рованиеми увеличилась более чем на 40 тысяч солдат [6; 145], [18; 93]. Разумеется, такое значительное перемещение немецких войск уже просто не могли не замечать. Из информации, которая была представлена Сталину еще в начале мая 1941 года на основе данных разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, становится ясно, что именно такое развитие событий, где Финляндия станет военным союзником рейха, и предполагалось в перспективе советским командованием. В указанной информации говорилось, что «вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северо-норвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем» [14; 173].

В целом по поводу переброски в Финляндию немецких войск Сталину неоднократно направлялась подробная разведывательная информация. 5, 9, 11 и 13 июня на имя Сталина и Молотова поступали сведения, в которых подробно рассматривались вопросы, касающиеся возможности вступления Финляндии в войну против СССР на стороне Германии¹ [12; 140, 151–153]. В них, в частности, указывалось, что с 5 по 15 июня в порты Финляндии «выгрузилось

не менее двух моторизованных дивизий». Также сообщалось, что «немцы перебрасывают из Северной Норвегии в Финляндию дивизию, которая прибывает в Рованиеми» [12; 154], [14; 366]. Очевидно, что в этой информации речь шла о совершенно конкретной дивизии СС «Норд», которая перемещалась тогда к границам Советского Союза на севере. Таким образом, сведения поступали в Москву весьма конкретные.

К тому же в последние дни передвойной советская радиоразведка перехватила ряд шифровок зарубежных посланников в Хельсинки. В телеграмме от 18 июня, адресованной японскому послу в Москве, и от 19 июня, отправленной итальянским посланником в Рим, говорилось о последних военных приготовлениях, происходящих в это время в Финляндии. Так, в частности, отмечалось: «Всеобщая мобилизация, объявленная неофициально, сейчас завершена. Страна находится на военном положении. Продолжается прибытие германских вооруженных сил, включая авиационные части. Считается, что Германия немедленно примет решение в отношении СССР» [4; 216–217]. Более того, советской разведке из сообщения японского посланника своему руководству стало известно о том, что в его дипломатическом представительстве в финской столице начали сжигать секретную документацию [8; 268]. Все это говорило только об одном – неотвратимо приближается война с СССР.

Основываясь на воспоминаниях командующего войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта М. М. Попова и начальника штаба округа генерал-майора Д. Н. Никишева, можно заключить, что и они, располагая поступавшей разведывательной информацией, также имели довольно ясное представление о приближающейся военной опасности с территории Финляндии² [7]. Более того, говоря о серьезном отношении к происходящим в Финляндии событиям, командование Ленинградского военного округа почти в полном составе 19 июня выехало специальным поездом в Заполярье. Целью этой поездки было изучение на месте складывавшейся обстановки. Впоследствии М. М. Попов писал: «...Мы лично наблюдали, поднимаясь на некоторые вышки пограничников, отчетливо видимые группы немецких офицеров, группы солдат, продвигавшихся в различных направлениях, машины, носившиеся по дорогам, и много дымов – очевидно, от полевых кухонь, так как в жаркий июньский день вряд ли кто-нибудь разводил костры» [7; 36–37]. В данном случае советскому окружному руководству действительно повезло, поскольку они в режиме реального времени наблюдали, как немецкие войска, выполняя приказ, начали уже с 18 июня выдвигаться к советской границе на севере Финляндии [17; 108].

Все это свидетельствовало, естественно, только об одном – Финляндия и Германия действова-

ли строго по выработанному единому стратегическому плану. Это фактически подтвердил 22 июня и германский посол в Москве Шулленбург, встретившись с Молотовым в половине шестого утра, когда сообщил о начале войны с Советским Союзом. На поставленный Молотовым вопрос относительно выезда германского посольства из СССР Шулленбург без колебаний ответил, что «выезд через западную границу невозможен, так как Румыния и Финляндия совместно с Германией тоже должны выступить» [1; 37].

Таким образом, реальные действия Финляндии накануне и в начале войны ясно указывали советскому командованию о сложившихся у рейха на практической основе союзнических с финским руководством отношениях. Они выражались в том, что Финляндия, не объявив Советскому Союзу войну, позволила Германии с финской территории развертывать боевые действия против СССР. Этого было вполне достаточно, чтобы в Москве сделали весьма адекватные выводы из реально происходивших на северо-западе Советского Союза событий. Поэтому, когда на второй день войны в позиции Финляндии стало все предельно ясно, а нарушения советской границы превращались в весьма регулярные по своей сути действия, было принято решение дать соответствующий отпор. Это решение принималось в Москве, даже несмотря на то, что войскам Ленинградского военного округа ранее давалось категорическое указание, чтобы они «не шли на провокации»³.

По воспоминаниям начальника штаба округа генерал-майора Д. Н. Никишева, он 23 июня в 12 часов дня доложил по прямой телефонной связи с Москвой о действиях финнов Г. К. Жукову, который тогда являлся заместителем наркома обороны СССР и начальником Генштаба. Как пишет Никишев, он сообщил ему о системати-

ческих фактах нарушения границы со стороны Финляндии⁴. Ответ был категоричным. Жуков твердо сказал: «”Бейте эту сволочь”, и положил трубку» [3]. Это означало, что для военных загадок тогда уже не было. Боевые действия Финляндии на границе с СССР явно указывали на то, что финны вступили в войну на стороне Германии и по этому поводу требуются адекватные действия, которые реально наступили. Уже в ночь с 23 на 24 июня разведывательному отделу штаба округа было поручено подготовить карту финских «аэродромов с указанием координат каждого из них», а также «количество базирующихся самолетов и зенитного прикрытия» [2; 13]. Эта карта, собственно, затем и стала использоваться для разработки общего плана действий советских военно-воздушных сил против немецкой авиации на финской территории. Сам этот план, судя по воспоминаниям Новикова, был утвержден командующим округом днем 24 июня, когда он уже лично связался с наркомом обороны С. К. Тимошенко. Тот в свою очередь «проконсультировался в еще более высоких инстанциях, и решение было получено» [5; 50]. В результате на следующий день, рано утром, разработанный в штабе ВВС округа план уже начал реализовываться и «первый удар по вражеским аэродромам был нанесен 25 июня в 4 часа утра» [5; 51].

Таким образом, нанесенный советской авиацией удар по финской территории был обусловлен как развернутыми боевыми действиями германских ВВС, использующих Финляндию для своего авиабазирования, так и хорошей информированностью советского руководства относительно финско-германского военного сотрудничества в 1940–1941 годах, которая основывалась на достаточно высокой эффективности сбора разведывательных данных, касающихся отношений Финляндии с Германией накануне начала Великой Отечественной войны.

*Статья подготовлена в рамках проекта Мероприятия 2 СПбГУ «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв.», шифр в ИАС: 5.38.275.2014.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Правда. 1989. 8 мая.
- ² Архив штаба Ленинградского военного округа. Ф. 47127. Оп. 1. Л. 272.
- ³ Архив штаба Ленинградского военного округа. Ф. 47. Оп. 47/127. Д. 24(2). Воспоминания Д. Н. Никишева.
- ⁴ В это время уже был сбит первый немецкий самолет над Карельским перешейком и у взятых в плен немецких военных летчиков были обнаружены карты, на которых была обозначена цель производимого полета – район Кировского завода в Ленинграде. Этим, по мнению финского исследователя К.-Ф. Геуста, «командование ЛВО получило доказательство наличия планов люфтваффе бомбить город» [3; 226–227].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.; Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2002. 300 с.
2. Винницкий Л. Г. Бойцы особого фронта. Л.: Лениздат, 1980. 200 с.
3. Гест К.-Ф. Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения» // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 440 с.
4. Накануне войны (1940–1941). О подготовке Германии к нападению на СССР // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 198–222.
5. Новиков А. А. В небе Ленинграда. М.: Наука, 1970. 308 с.
6. Носков А. М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М.: Наука, 1977. 248 с.
7. Оборона Ленинграда. Воспоминания и дневники участников. Л.: Наука, 1968. 791 с.
8. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1, кн. 2. М.: Книга и бизнес, 1995. 398 с.
9. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М.: Международные отношения, 1997. 496 с.

10. Подборка советских архивных документов о финско-германском сотрудничестве (май – декабрь 1940 г.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 8. СПб., 2012. С. 109–130.
11. По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
12. Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март – июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М.: Мосгорархив, 1995. 256 с.
13. Соловин М. 25 июня. Глупость или агрессия? М.: Эксмо: Яуза, 2008. 656 с.
14. 1941 год. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. 752 с.
15. Финляндия. Краткая характеристика офицерского состава // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 7. СПб., 2011. С. 175–181.
16. Jokipii M. Jatkosodan synty. Helsinki: Otava, 1987. 748 s.
17. Menges M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. Berlin: Militärverlag Der Deutschen Demokratischen Republik, 1988. 276 s.
18. Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderström, 1984. 268 s.

Baryshnikov V. N., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

SOVIET MILITARY INTELLIGENCE ON COVERT GERMAN – FINNISH MILITARY COOPERATION SHORTLY BEFORE GREAT PATRIOTIC WAR (1940–1941)

On the eve of the Great Patriotic War, the Soviet intelligence services paid increased attention to the military and political situation in Finland. The Soviet intelligence activity was well organized on its territory. As a result, the Soviet intelligence in the second half of the 1940 and at the beginning of the 1941 was able to collect extensive evidences on growing dynamics of military cooperation between Germany and Finland, as well as on deployment of German troops in the northern wing of the Soviet – Finnish border. Due to this information, the Soviet military command was on guard concerning the development of military situation. As a result, the bombing of the Finnish territory by Soviet air forces on June 25, 1941 was caused by military activities of German aviation that used Finland as its military base. The air strike was also conditioned by high quality operational awareness on German – Finnish military cooperation in 1940–1941

Key words: international relations, Second World War, Great Patriotic War, Finnish history, German – Finnish relations

REFERENCES

1. Barышников Н. И. *Blokada Leningrada i Finlyandiya* [Siege of Leningrad and Finland]. St. Petersburg, Helsinki, Johan Beckman Institute Publ., 2002. 300 p.
2. Vinitskiy L. G. *Boytsy osobogo fronta* [Soldiers of special front]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1980. 200 p.
3. Guest K.-F. Soviet bombardment of Finnish aerodromes in June, 1941 at the initial stage of “continuation of the war” [Sovetskaya bombardirovka finskikh aerodromov v iyune 1941 g. v nachal’noy stadii “voyny-prodolzheniya”]. *Ot voyny k miru. SSSR i Finlyandiya v 1939–1944 gg.* [From war to peace. USSR and Finland in 1939–1944]. St. Petersburg, St. Petersb. Univ. Publishing house, 2006. 440 p.
4. On the eve of the war (1940–1941). On preparation of German assault on the USSR [Nakanune voyny (1940–1941). O podgotovke Germanii k napadeniyu na SSSR]. *Izvestiya TsK KPSS* [Proceedings of the Central Committee of CPSU]. 1990. № 4. P. 198–222.
5. Novikov A. A. *V nebe Leningrada* [In the sky of Leningrad]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 308 p.
6. Noskov A. M. *Skandinavskiy platsdarm vo vtoroy mirovoy voyni* [Scandinavian bridgehead in the second World War]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 248 p.
7. *Oborona Leningrada. Vospominaniya i dnevniki uchastnikov* [Defence of Leningrad. Reminiscences and diaries of participants]. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 791 p.
8. *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyni* [State security bodies of the USSR in Great Patriotic war]. Vol. 1, book 2. Moscow, Kniga i biznes Publ., 1995. 398 p.
9. *Ocherki istorii rossiyskoy vneshej razvedki* [Sketches on the history of Russian foreign intelligence]. Vol. 3. Moscow, Mezdunarodnye otnosheniya Publ., 1997. 496 p.
10. Selection of Soviet archive documents on Finnish-German collaboration (May – December, 1940) [Podborka sovetskikh arkhivnykh dokumentov o finsko-germanskom sotrudnichestve (may – dekabr' 1940 g.)]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni* [Transactions of the Department of Modern and Contemporary History]. № 8. St. Petersburg, 2012. P. 109–130.
11. *Po obe storony Karelskogo fronta. Dokumenty i materialy* [On both sides of Karelian front. Documents and materials]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1995. 636 p.
12. Sekrety Gitlera na stole u Stalina. Razvedka i kontrrazvedka o podgotovke germanskoy agressii protiv SSSR. Mart – iyun' 1941 g. Dokumenty iz Tsentral'nogo arkhiva FSB Rossii [Hitler's secrets on Stalin's desk. Intelligence and counter-intelligence on the preparation of German aggression against the USSR. March – June, 1941. Documents from the Central Archive of Russian FSS]. Moscow, Mosgorarkhiv Publ., 1995. 256 p.
13. Solonin M. 25 iyunya. *Glupost' ili agressiya?* [June 25. Stupidity or aggression?]. Moscow, Eksmo, Yauza Publ., 2008. 656 p.
14. 1941 god [1941]. Book 2. Moscow, Mezdunarodnyy fond “Demokratiya” Publ., 1998. 752 p.
15. Finland. Brief description of commissioned rank [Finlyandiya. Kratkaya kharakteristika ofitserskogo sostava]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni* [Transactions of the Department of Modern and Contemporary History]. № 7. St. Petersburg, 2011. P. 175–181.
16. Jokipii M. Jatkosodan synty. Helsinki: Otava, 1987. 748 s.
17. Menges M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. Berlin: Militärverlag Der Deutschen Demokratischen Republik, 1988. 276 s.
18. Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderström, 1984. 268 s.